

В. Г. Васильевский

**Законодательство
иконоборцев**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Г. Васильевский**
Законодательство иконоборцев / В. Г. Васильевский – М.: Книга по Требова-
нию, 2015. – 93 с.

ISBN 978-5-4241-4770-8

ISBN 978-5-4241-4770-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

прочаго мы должны были ограничиться повтореніемъ того, что было сказано другими. Изданія и сочиненія, которыми мы пользовались, обозначены нами наверху; во главѣ ихъ мы поставили новѣйшее сочиненіе профессора Аѳинскаго университета Паларригопуло. Съ симъ послѣднимъ мы сочли умѣстнымъ и полезнымъ ознакомить читателей нашей статьи, во первыхъ, потому, что сочиненіе г. Паларригопуло само по себѣ представляетъ явленіе, достойное вниманія, а во вторыхъ, потому, что именно въ этой книгѣ иконоборческое законодательство выставлено хотя и не въ новомъ, но въ особенно яркомъ свѣтѣ, такъ что оно даетъ смыслъ и значеніе всей внутренней исторіи Византійскаго государства до самаго разрушенія его Латинянами. вмѣсто предполагаемой неподвижности и безжизненнаго однообразія византійской исторіи, въ книгѣ г. Паларригопуло намъ представляется живая борьба за преобразовательныя начала, обнимавшія всѣ стороны общественнаго и государственнаго быта, борьба, съ разными перипетіями длившаяся въ продолженіе вѣковъ. Два небольшие законодательные памятника, самая принадлежность которыхъ иконоборческой эпохѣ долго оставалась неизвѣстною или сомнительною, являются здѣсь лозунгомъ широкой и смѣлой революціи. Эклога съ своими дополненіями получаетъ первостепенное значеніе не только въ спеціальной исторіи римскаго права, но и въ общей исторіи человѣчества...

I.

О книгѣ г. Паларригопуло.

„Исторія еллинской цивилизаціи“, появившаяся сначала на новогреческомъ языкѣ, представляетъ, по признанію автора, плодъ его тридцатилѣтнихъ занятій исторіей своего народа; она излагаетъ въ сжатомъ видѣ исслѣдованія и воззрѣнія, содержащіяся въ его пятитомной Исторіи Еллинскаго народа (Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους), весьма уважаемой на родинѣ и хорошо извѣстной съ давнихъ поръ и въ другихъ странахъ, хотя бы и однимъ спеціалистамъ. Благодаря современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, новое сочиненіе г. Паларригопуло, вскорѣ послѣ своего появленія въ Аѳинахъ, было переведено на французскій языкъ и напечатано въ Парижѣ. Какъ патриотическій голосъ ученаго Грека, обращающагося къ симпатіямъ образованной Европы съ напоминаніемъ о заслугахъ и правахъ своей націи, сочиненіе г. Паларригопуло было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ французскою публикой; отзывы ученыхъ журналовъ указы-

ваютъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, сопровождаемымъ чаще одобреніемъ, чѣмъ порицаніемъ, на поразительную новость его взглядовъ на исторію средневѣковой Византіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и русскій читатель, который рѣшился бы взять въ руки французскую книгу аѳинскаго профессора, нашелъ бы въ ней много новаго, занимательнаго и поучительнаго. Мы, съ своей стороны, должны будемъ оставить въ сторонѣ именно то, что болѣе прямымъ образомъ относится къ современности и составляетъ публицистическое содержаніе книги. Согласно со своею задачею, мы остановимся только на основныхъ воззрѣніяхъ автора относительно прошлой жизни его народа.

Само собою разумѣется, что аѳинскій профессоръ смотритъ на исторію Византійской имперіи съ національной греческой точки зрѣнія, настаиваетъ на непрерывномъ существованіи эллинизма и эллинскихъ началъ; римское господство и римскія идеи представляли только случайный временный наплывъ; окончательное торжество надъ ними эллинизма, послѣдовавшее за реакціей Юстиніана въ противоположномъ направленіи, было въ то же время началомъ новой жизни для имперіи. Отсюда, изъ тайниковъ народнаго эллинскаго духа, возникли и прогрессивныя стремленія иконоборческой эпохи... Не видно, чтобы Византійская имперія чѣмъ-нибудь была обязана римскимъ государственнымъ традиціямъ... Въ этомъ отношеніи хорошимъ дополненіемъ къ воззрѣніямъ г. Папарригопуло и нѣкоторымъ исправленіемъ односторонности, присущей его изложенію, могли бы служить замѣчанія, такъ прекрасно выраженные въ одной изъ статей В. И. Ламанскаго (въ I-мъ томѣ Славянскаго Сборника). Не одно только превосходство греческой средневѣковой гражданственности, не одинъ только блескъ и величіе древнеэллинской славы и несомнѣнныя заслуги Грековъ въ позднѣйшей цивилизаціи и христіанской церкви объясняютъ ихъ господствующее положеніе въ имперіи, власть которой признавали вмѣстѣ съ Греками разныя другія народности, начиная Славянами и кончая Армянами. Важно было то, что Греки называли себя все-таки Ромеями, то-есть, Римлянами, что ихъ императоръ былъ Римскій императоръ, представитель и носитель той идеи, высокое уваженіе къ которой вкоренено было въ умахъ народовъ со временъ Августа, Траяна, Константина. Предъ этою старою идеею, доставшуюся Грекамъ по наслѣдству отъ Римлянъ, склонялись самыя смѣлыя притязанія другихъ народностей, другихъ народныхъ вождей. Правда, носить идею и преданія міродержавнаго Рима оказалось не по плечу новымъ Грекамъ. Но все-таки сами императоры, вопреки даже узкимъ и завистливымъ возгласамъ Грековъ, умѣли поддержи-

вать римскіе правительственныя и государственныя принципы, принципы сираведливаго отношенія ко всѣмъ варварскимъ народностямъ...

Переходимъ къ взглядамъ автора на исторію иконоборства и постараемся изложить ихъ въ возможной полнотѣ и отчасти его собственными словами.

Истинный характеръ реформы, начало которой было положено Львомъ III, долго оставался непонятымъ. Левъ и его преемники были прозваны иконокластами, какъ будто задача, которую они себѣ поставили, ограничивалась уничтоженіемъ иконъ. Такая оцѣнка ихъ стремленій не соотвѣтствуетъ истинѣ. Однако, такой именно взглядъ господствовалъ не только во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но и въ новѣйшія времена, — по причинамъ, которыя легко понять. Всѣ законы, реформы и всѣ литературныя произведенія, къ ней благосклонныя, были усердно истребляемы, когда она, послѣ болѣе чѣмъ столѣтней борьбы, потерпѣла неудачу. Удержавъ за собою поле брани, лѣтописатели противоположной партіи не скупились на всякаго рода клеветы противъ своихъ прежнихъ соперниковъ и хранили глубокое молчаніе о наиболѣе благородныхъ ихъ дѣяніяхъ; они говорятъ только о мѣраxъ, касавшихся иконъ; они знали, что та сторона реформы, которая бросалась въ глаза и оскорбляла привычки и мелкіе интересы большинства, наиболѣе будетъ пригодна къ тому, чтобы уронить реформу въ общественномъ мнѣніи. По счастью, сила истины беретъ верхъ даже тогда, когда люди систематически стараются скрыть ее или извратить. Теофанъ и патріархъ Никифоръ оба — заклятые враги революціи, совершавшейся въ VIII вѣкѣ; но есть осязательная разница въ оттѣнкахъ картины, которую они начертали. Страстный и увлекающійся Теофанъ обезображиваетъ безъ милосердія лица и событія, о которыхъ говоритъ; Никифоръ соблюдаетъ болѣе мягкіе тоны въ своихъ приговорахъ. Если онъ осуждаетъ, а иногда даже извращаетъ факты, то все-таки не доходитъ до того, чтобы изобрѣтать басни, и не отказывается своимъ противникамъ во всякой добродѣтели. Съ другой стороны, хотя протоколы большаго собора, постановившаго уничтоженіе иконъ, и не дошли до насъ въ неприкосновенной цѣлости, тѣмъ не менѣе они все-таки даютъ возможность составить вѣрное представленіе о его духѣ и о ходѣ его совѣщаній. Наконецъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, Эдуардъ Цахаріэ сдѣлалъ драгоцѣнное открытіе; онъ обнаружилъ самый текстъ гражданскаго кодекса (du code civil) реформации и снабдилъ его превосходнымъ комментариемъ. Критическое разсмотрѣніе всѣхъ этихъ данныхъ раскрыло

намъ въ концѣ концовъ истинный характеръ этой эпохи, такъ несправедливо не признанной въ продолженіе вѣковъ и разсматривавшейся какъ простая борьба иконокластовъ съ иконопоклонниками. Истина заключается въ томъ, что въ VIII вѣкѣ сдѣлана была замѣчательная попытка революціи соціальной, политической и религіозной. Реформа религіозная ограничивалась осужденіемъ иконъ, запрещеніемъ употребленія мощей и уменьшеніемъ числа монастырей; она не касалась основныхъ догматовъ вѣры христіанской. Реформа соціальная и политическая, напротивъ, наложила смѣлую руку на всѣ пороки, которые подкапывали моральную и матеріальную силу общества; она отняла у духовенства общественное обученіе, уничтожила крѣпостное право (*abolit le seravage*), старалась ограничить число рабовъ, осватила въ извѣстной степени религіозную терпимость, подчинила общему налогу церковныя имущества, однимъ словомъ—обнаружила стремленіе основать мужественное общество на тѣхъ безсмертныхъ началахъ, которымъ суждено было окончательно восторжествовать въ мірѣ только по истеченіи десяти столѣтій... При этомъ слѣдуетъ прибавить, что эллинская реформа, не касаясь основныхъ догматовъ вѣры, въ томъ, что принадлежитъ къ области соціальныхъ преобразованій, была даже болѣе широка и систематична, чѣмъ реформа, совершившаяся позднѣе въ западной Европѣ, исповѣдывала такія начала и такія доктрины, какія съ большимъ удивленіемъ встрѣчаешь въ VIII вѣкѣ по Р. Х.

Духъ иконоборческой реформаціи особенно ясно обнаруживается въ законодательной области; два кодекса были обнародованы при Львѣ III: уставъ крестыанскій и уложеніе гражданское (*le code rural et le code civil*), болѣе извѣстное подъ именемъ Эдлоги. Тотъ и другой содержатъ смѣлыя нововведенія. Патронатъ (*patrocinium*), который прежде обременялъ двойнымъ налогомъ многихъ землевладѣльцевъ,—налогомъ, платимымъ патрону, и налогомъ въ пользу фиска,—исчезъ изъ новаго закона; сверхъ того, нѣтъ болѣе рѣчи ни о сервахъ, ни о людяхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Классъ земледѣльческой былъ освобожденъ отъ повинностей (*servitudes*), которымъ онъ до тѣхъ поръ былъ подчиненъ подъ разными формами и различными наименованіями. Если мы подумаемъ, что крѣпостное право (*le seravage*) перестало удручать остальную Европу только многимъ позднѣе, и что въ извѣстныхъ странахъ оно было уничтожено только двадцать лѣтъ тому назадъ, то мы по истинѣ должны будемъ удивиться, видя, что либеральныя идеи, которыя должны были обнару-

жить свою власть при исправленіи этого зла, возникаютъ уже въ началѣ VIII вѣка, внутри эллинизма среднихъ вѣковъ...

Существенныя измѣненія были внесены въ систему брачныхъ отношеній (*la constitution du mariage*), отеческой власти, опеки, наследства. Семейственное право въ томъ видѣ, какъ оно установлено было Юстиніаномъ въ VI вѣкѣ, было не совсѣмъ сообразно съ доктринами восточнаго эллинизма, удерживавшаго въ ихъ чистотѣ евангельскія начала. Сообразно съ этими доктринами, бракъ былъ единственнымъ дозволеннымъ союзомъ мужчины и женщины; этотъ союзъ долженъ былъ, на сколько то возможно, оставаться не расторгимымъ, взаимныя права и обязанности супруговъ должны были оставаться равными. Юстиніаново право, хотя и подверглось вліянію христіанской догмы, въ этомъ отношеніи сохранило въ большей части своихъ постановленій много слѣдовъ древняго римскаго законодательства: оно признавало конкубинатъ и сообщало законныя права дѣтямъ, которыя отъ него происходили; оно допускало слишкомъ большую легкость въ расторженіи брака и давало отцу положеніе высшее сравнительно съ матерью. Все это законодательство подверглось теперь кореннымъ измѣненіямъ. По Эклогѣ, конкубинатъ разсматривается *de jure* какъ союзъ супружескій; другими словами—нужно или вступить въ бракъ съ женщиной, или отослать ее прочь. Влудъ (*stuprum*) подвергается разнымъ наказаніямъ, смотря по разнымъ его случаямъ. Основанія для развода сведены къ четыремъ: прелюбодѣяніе жены, безсиліе мужа, покушеніе на жизнь, проказа у одного изъ двухъ сожителей. Что касается имущества супруговъ, то принципъ, который господствуетъ въ Эклогѣ, есть тотъ, что бракъ ведетъ за собою такое же общеніе имущества (*l'union des biens*), какъ и общеніе лицъ, и что эта общность должна быть болѣе или менѣе полною—смотря потому, имѣютъ супруги дѣтей, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ имущество остается нераздѣльнымъ даже по смерти одного изъ супруговъ; пережившій беретъ на себя управленіе не только приданнымъ и предбрачнымъ даромъ (*propter nuptias donatio*), но и всего имущества въ совокупности, оставшагося послѣ умершаго. Сверхъ того, Эклога уничтожила до послѣднихъ слѣдовъ ту громадную власть, какую отецъ нѣкогда имѣлъ надъ сыновьями; равно какъ и всякое неравенство положенія между двумя супругами. По законодательству Льва, мать имѣетъ тѣ же права, какъ и отецъ. Для брака дѣтей требуется ея согласіе наравнѣ съ согласіемъ отца: По смерти отца, она продолжаетъ пользоваться всѣми правами отеческими не подѣ

видомъ опеки или попечительства, но какъ сама владѣющая ими (то-есть, этими правами)...

Эклога стремилась тѣснѣе скрѣпить узы семейные и многими постановленіями, и особенно тѣмъ способомъ, который былъ принятъ для рѣшенія вопроса о наслѣдствахъ. На основаніи правилъ новаго законодательства если покойникъ, умершій безъ завѣщанія, не оставилъ наслѣдниковъ по прямой линіи, то его отецъ и мать одни наслѣдуютъ его имущество, тогда какъ прежде побочные (*collateraux*) въ этомъ случаѣ призывались къ наслѣдству совокупно съ восходящими. Въ этомъ можно признать то глубокое чувство приличія, которое имѣлъ законодатель реформы. Онъ хотѣлъ избѣжать всякихъ поводовъ къ процессу между родителями и ихъ дѣтами. Онъ также не хотѣлъ уменьшить тѣхъ надеждъ, какіе всегда хорошо сохранять дѣтямъ въ отношеніи родителей. Не менѣе замѣчательно постановленіе Эклоги, находящееся во второмъ членѣ II-го титула; оно предписываетъ относительно совершенія брачнаго отряда, чтобы брачующіеся были христіанами; оно такимъ образомъ уничтожаетъ всякое препятствіе къ браку между лицами различныхъ исповѣданій (*de communionibus differentes*). Правда, уже Юстиніанъ ограничился воспрещеніемъ брака между христіанами и Евреями. Но позднѣе церковь формально воспретилла союзы между еретиками и правовѣрными. Левъ воротился къ совершенному равенству христіанъ предъ закономъ гражданскимъ, не смотря на препятствія со стороны каноническаго права, и тѣмъ далъ новое доказательство либеральныхъ принциповъ, его одушевлявшихъ. Мы ограничимся этимъ краткимъ анализомъ постановленій Эклоги... Странная вещь — слава міра сего! Тогда какъ кодексъ и пандекты дали своимъ авторамъ безсмертную славу, тогда какъ самыя нападенія, цѣлю которыхъ были Юстиніанъ и Трибоніанъ, содѣйствовали большому ихъ прославленію, — кто говорилъ до сихъ поръ о Львѣ, какъ объ отличномъ законодателѣ? Кто зпалъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, имена авторовъ Эклоги—министра юстиціи Никиты, консуловъ Марина и Нонна? Ихъ дѣло имѣло только эфемерное существованіе (*une durée éphémère*); но теперь, когда ихъ принципы приняты гражданскимъ законодательствомъ наиболѣе передовыхъ націй, пришелъ наконецъ часъ воздать почтеніе гению этихъ людей, которые, назадъ тому тысячу лѣтъ, боролись для того, чтобы освятить доктрины, только въ наши дни восторжествовавшія...

Реакція протівъ духа преобразованій, которымъ одушевлены были Левъ III и Константинъ V Копронимъ, началась уже при Львѣ Хазар-

скомъ (775—780 гг.). Во главѣ этой реакціи являются императрица Ирина, подобно большей части женщинъ — стоявшая на сторонѣ обрядности, иконъ, монаховъ, и патріархъ Тарасій. Тарасій былъ чловѣкъ, выдававшійся своими знаніями, чистотою своей жизни, энергіей своего характера. Далекое не раздѣляли всѣхъ доктринъ противниковъ реформы, онъ скорѣе принадлежалъ къ особой группѣ ея приверженцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени многіе среди партизановъ революціи стали останавливаться на той мысли, что, по истеченіи дѣлныхъ пятидесяти лѣтъ борьбы, отрицаніе иконопочитанія все-таки остается не признанною со стороны народа; отсюда они заключали, что отрицаніе извѣстныхъ обрядовъ и преданій церковныхъ не была необходима для торжества другихъ принциповъ революціи. Они, напротивъ, полагали, что это вмѣшательство государства въ дѣла церковныя могло сдѣлаться гибельнымъ для ихъ идей: возмущая совѣсть многихъ классовъ націи, оно по необходимости должно было вызвать реакцію; существовала опасность, что вмѣстѣ съ просомъ объ иконахъ погибнетъ множество полезныхъ учреждений. Это былъ также и взглядъ Тарасія. Ирина знала его точку зрѣнія, и какъ событія послѣ доказали, она была далека отъ того, чтобъ усвоить ее себѣ. Однако, чтобъ обезпечить успѣхъ своихъ первыхъ попытокъ противъ реформы, она поручила исполненіе ихъ чловѣку, который былъ признанъ наиболѣе способнымъ привести ихъ къ доброму концу. Никто изъ видныхъ членовъ духовенства не бралъ на себя задачи — поднять руку на постановленіе послѣдняго (иконоборческаго) собора; ни одинъ изъ монаховъ не обладалъ образованіемъ и умомъ, достаточными для такого предпріятія. Тарасій одинъ владелъ тою твердою волей и тѣмъ изобрѣтательнымъ умомъ, какія были необходимы для исполненія предположеннаго дѣла. Если ревность къ своему ученію заставляла его нисходить до интриги и незаконности, гений его противостоялъ возстановленію старыхъ злоупотребленій. Однимъ словомъ, союзъ заклятыхъ враговъ реформы, желавшихъ вполнѣ уничтожить все дѣло Льва Исавра и его сына Константина, съ благоразумною и умѣренною партіей, во главѣ которой находился Тарасій, и которая хотѣла ограничиться отрицаніемъ однихъ церковныхъ или религіозныхъ нововведеній, привелъ къ постановленіямъ седьмаго вселенскаго собора. Двѣ партіи, соединившись вмѣстѣ, восторжествовали надъ третьею, которая не допускала никакого возврата къ прошедшему. Но вслѣдъ затѣмъ произошелъ разрывъ между недавними союзниками. Партія Ставракія, которой сочувство-

вала сама императрица Ирина, въ своемъ первомъ успѣхѣ, въ возстановленіи иконопочитанія, видѣла только первый шагъ къ уничтоженію всѣхъ реформъ. Тарасій и его сторонники напротивъ думали, что пора остановиться, что необходимо сохранить политическое и социальное законодательство первыхъ императоровъ Исаврійскаго дома. Началась борьба между реакціонерами и умѣренными либералами; въ ней приняли участіе недавно побѣжденные радикалы, и дѣло кончилось низверженіемъ Ирины, въ 802 году, и возведеніемъ на престолъ Никифора, который, въ числѣ своихъ друзей считалъ патріарха Тарасія. Новый императоръ принадлежалъ къ тому классу людей, которые не видѣли въ уничтоженіи иконъ необходимаго дополненія реформациі. Онъ не касался этого вопроса; но обратилъ всѣ свои заботы и всѣ свои весьма значительныя способности на исправленіе того разстройства, въ какомъ достались ему, послѣ кратковременнаго господства евнуховъ и монашескаго фанатизма, армія, финансы, образованіе и церковь. Никифоръ дѣйствовалъ въ духѣ умѣренныхъ друзей преобразованія. Далѣе пошелъ Левъ V Армянинъ. Крайніе реформаторы были снова болѣе могущественны, чѣмъ когда-либо. Мы видѣли, что многіе изъ членовъ этой партіи, при Иринѣ, умѣрили свои притязанія; они согласились воротиться къ прежнему порядку въ томъ, что касалось церкви, въ надеждѣ, что большинство націи, удовлетворившись этою уступкою, перестанеть отвергать прочія учрежденія. Убѣдившись теперь самымъ ходомъ событій въ бесполезности такой жертвы и видя, что съ иконами возвратились всѣ прежнія злоупотребленія, они снова начали думать, что реформа тогда только окончательно упрочится, когда она будетъ навязана прежде всего церкви. Они склонили на свою сторону Льва V, но не смотря на его благоразуміе и на его энергію, не успѣли восторжествовать окончательно. Монахи, простой народъ и женщины съ ужасомъ отвращались отъ нововведеній, подрывавшихъ, какъ имъ казалось, самыя основанія христіанской вѣры. Имперія продолжала быть раздѣленною на два враждебные лагера: одинъ изъ нихъ оставался болѣе или менѣе побѣдоноснымъ въ продолженіе приблизительно столѣтія, благодаря своему умственному превосходству; однако онъ непрерывно подвергался нападеніямъ то прямымъ, то косвеннымъ, но всегда яростнымъ — со стороны партіи ретроградной, сила которой заключалась преимущественно въ елѣпой и преданной толпѣ.

Лица, которыя доставили торжество православію въ 842 году, руководились тѣми же возрѣвніями, какія вѣкогда одушевляли Та-

расія. Они хотѣли сохранить нравственныя и матеріальныя силы націи, истощаемыя въ безплодныхъ расправахъ, и пожертвовали религіозною стороною реформы. Не много послѣ, Василиій I Македонянинъ пошелъ далѣе: онъ въ своихъ большихъ законодательныхъ работахъ вычеркнулъ многія изъ тѣхъ постановленій, которыя имѣли цѣлю установить общество на новыхъ основаніяхъ; онъ объявилъ, что онъ отмѣняетъ ихъ, потому что они противорѣчатъ божественнымъ догматамъ. Однако, мы не должны думать, что вся эта борьба VIII и IX вѣковъ осталась совершенно безплодною. Эллинизмъ среднихъ вѣковъ никогда не могъ быть возвращенъ къ тому положенію, въ какомъ онъ находился до Льва III. Чтобы успокоить бурю, поднятую борьбою иконоклавтовъ и иконопоклонниковъ, Македонская династія дѣлала видъ, что она хочетъ отложить въ сторону всѣ нововведенія и проивнесла противъ нихъ осужденіе, какъ противъ чего-то нечестиваго. Но въ сущности она озабочена была тѣмъ; какъ бы спасти многія изъ учрежденій реформы, и въ большей части своихъ дѣйствій, не переставала вдохновляться тѣмъ широкимъ и либеральнымъ духомъ, которымъ руководились предыдущіе императоры. Такимъ образомъ, спасительныя намѣренія Льва III, Константина V, Никифора, Льва V и Теофила были болѣе или менѣе осуществлены. Мысль Льва III и его приверженцевъ пережила видимое пораженіе, которому подверглось его дѣло. Высшіе классы, церковныя и политическія, совершившія революцію VIII вѣка, сдѣлали извѣстныя уступки низшимъ классамъ; они спустили знамя, водруженное иконоборцами; но такъ какъ высшіе классы все-таки удержали въ своихъ рукахъ кормило, то они не перестали болѣе или менѣе слѣдовать тѣмъ путемъ, на который страна уже вступила. Нѣкоторыя части предыдущаго законодательства были даже вполнѣ сохранены: LIII-я книга Василия признаетъ морской уставъ иконоборцевъ, а LX-я книга — ихъ уставъ о наказаніяхъ. Другія нововведенія, правда, исчезли совершенно. Отношенія, установленныя между супругами, между родителями и дѣтми, были замѣнены, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, тѣми старыми отношеніями, которыя допускались Юстиніановымъ кодексомъ. Каковы бы ни были неудобства порядковъ, вновь восстановленныхъ въ своей силѣ, они не были такого рода, чтобы препятствовать политическому возрожденію государства.... Уничтоженные монастыри вновь возникли; въ томъ увлеченіи, которое неизмѣнно сопровождаетъ первые дни всякой реставраціи, было даже построено много новыхъ, но вскорѣ затѣмъ все-таки поспѣшили окру-

жить препятствіями неограниченное развитіе монашеской жизни. Соборъ, бывшій въ 861 году подъ предсѣдательствомъ Фотія, уже принялъ нѣкоторыя мѣры въ этомъ смыслѣ. Сто лѣтъ спустя, императоръ Іоаннъ Цимискій прямо запретилъ строить новые монастыри и ограничилъ ихъ право получать пожертвованія и вклады.

LX-я книга Василия, занимавшаяся земледѣльческими классами и дошедшая до насъ только въ неполной и неподлинной редакціи, по видимому, была простымъ воспроизведеніемъ Юстиніанова кодекса. Но изъ этого не слѣдуетъ, что его постановленія были въ самомъ дѣлѣ вновь восстановлены въ своей силѣ. Въ Василияхъ часто идетъ рѣчь о крѣпостныхъ (сервахъ); но многія обстоятельства утверждаютъ насъ въ томъ мнѣніи, что этотъ классъ людей не существовалъ болѣе на Востокѣ. Пира (Pera), юридическое сочиненіе XI вѣка, излагающее разные случаи судебной практики одного знаменитаго законовѣда, совсѣмъ не говоритъ о крѣпостномъ состояніи (servage); съ другой стороны, многочисленность позднѣйшихъ рукописей „сельскаго устава“, и то, что онъ обыкновенно присоединяется къ руководству (Шестикижнику) Арменопула, доказываетъ, что этотъ уставъ продолжалъ считаться практическимъ источникомъ права. Сверхъ того, цѣлый рядъ новыхъ законодательныхъ мѣръ свидѣтельствуетъ о той заботливости, которую не переставали тогда обнаруживать къ судьбѣ земледѣльческаго класса. Однимъ словомъ, въ періодъ Македонской династіи реформація господствовала самымъ дѣйствительнымъ образомъ, не провозводя никакихъ внутреннихъ потрясеній. Благодаря мудрому приложенію ея принциповъ, эллинизмъ среднихъ вѣковъ имѣлъ цѣлые два вѣка цвѣтущаго благосостоянія, удивительнаго внутренняго довольства и богатства, невиданной внѣшней славы и величія.

Мы не послѣдуемъ за аѳинскимъ профессоромъ въ восторженномъ изображеніи счастливыхъ временъ эллинизма, благополучно разрѣшившаго внутреннюю задачу и вслѣдъ затѣмъ сломившаго непокорныхъ и строптивыхъ поселенцевъ славянскихъ. Многое въ его картинѣ поражаетъ несомнѣннымъ преувеличеніемъ—въ родѣ бюджета въ три миллиарда (франковъ), которымъ, по разчету г. Панаарригопула (стр. 297), располагала Византійская имперія! Мы отмѣтимъ только его взглядъ на причины ея паденія съ высоты такого могущества и такой славы. По мнѣнію аѳинскаго профессора, эти причины были чисто внѣшнія,—именно враждебность Запада, руководимаго религіозною нетерпимостію и въ концѣ XI вѣка нахлынувшего неудержимымъ потокомъ